

**ТРИ ГОДА
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ ПРОЛЕТАРИАТА
С. С. С. Р.**

Л. КРИЦМАН

**ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧ. УН-ТА
ИМ. Я. СВЕРДЛОВА МОСКВА—1932**

121176

77

ДХ

84

88

88

неб
кафт

121/46.

338.98
К 827

Инв 45304

ТРИ ГОДА

НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРОЛЕТАРИАТА С. С. С. Р.

АРХИВ

1944

Л. КРИЦМАН

Инв. 1986 г. № 12/176 п
М

КНИЖНИЦА
96 БИБЛИОТЕКИ
МОСК

Издание Коммунистического Ун-та
имени Я. М. Свердлова — 1924

338-98

ГЛАВЛИТ. № 21111, 1924 г. г. Москва—Тираж 10.000

Р Ж Е В.
Типография Общего Отдела Уисполкома
1924

Русская ¹⁾ революция—первая *пролетарская* революция и первый этап мировой революции пролетариата; в этом ее *мировое* значение. Но она не только антикапиталистическая революция пролетариата, но и антифеодальная революция крестьянства, и в этом ее *национальное* значение, основное для подавляющего большинства населения России.

Однако, те особенные задачи, которые приходится решать русскому пролетариату *после* его победы, обуславливаются не только этим *двойным* характером русской революции, но и особенностями *сочетания* обеих революций: антикапиталистической (которая была бы чистой социалистической революцией, если бы не сочеталась с революцией антифеодальной) и антифеодальной (которая была бы чистой буржуазной революцией, если бы не сочеталась с революцией пролетарской).

Мировая пролетарская революция также не останется чистой антикапиталистической революцией, она будет совершаться одновременной крестьянской (а отчасти и

¹⁾ Слова „Россия“ „русский“ означают в настоящей брошюре население известной территории. Мы сохраняем это название по двум соображениям:

во 1-х, потому что СССР (союз советских социалистических республик) принципиально означает весь мир; в нашем же изложении речь идет о СССР в ее сегодняшних границах, а значит и в нынешних конкретных условиях;

во 2-х, потому что основную массу активнейших участников борьбы классов в нашей революции дал именно русский народ. Скоро будет совсем позабыта в свое время слишком верная характеристика поэта: „Их нищета, их терпенье безмерное только досаду родит, и русский народ войдет в историю человечества, не как народ—раб и тупое орудие порабощения других народов, а как народ мятежник, народ—Прометей, великий пионер в деле освобождения человечества от оков позорной и грязной эксплуатации человека человеком“.

буржуазно-капиталистической) антифеодальной революцией. Она неизбежно будет сочетаться с *освобождением колониальных народов*, которых мировой капитал искусственно удерживает на докапиталистической ступени развития, в то же время разлагая их прежние натуральные общественные отношения и превращая населенные ими страны в свое аграрное дополнение, в колонии.

Но особенность русской революции состоит не только в том, что сочетание антикапиталистической и антифеодальной революции происходит в ней не в мировом, а в национальном масштабе (что делает русскую революцию прообразом мировой революции), и вследствие чего она приобретает принципиально иной характер: вместо двух параллельных территориально разобщенных революций, антикапиталистической в метрополии и антифеодальной в колониях, одна *сложная* революция в одной и той же стране.

Главная особенность русской революции вытекает из того факта, что *русское крестьянское хозяйство было аграрным дополнением не только русского, но и мирового* ¹⁾ (западно-европейского) *капитала*. Это, с одной стороны, дало русскому пролетариату возможность выступить в качестве освободителя всей нации от угрожавшей ей колониальной эксплуатации (аннулирование займов) и необычайно облегчило первые шаги революции, а с другой стороны, оно в исключительном масштабе *перегрузило* пролетарскую антикапиталистическую революцию революцией антифеодальной, заставило русский пролетариат разрешать вопрос об отношении пролетариата к крестьянству не только за себя, но и за западно-европейский пролетариат.

В целях развития революции, ради наступления на капитал и ради закрепления результатов этого наступления, русскому пролетариату не раз приходилось поступать с непосредственными интересами социалистического строительства, русской пролетарской революции — *отступать*.

¹⁾ Около 60 проц. выходявшего за пределы русской деревни хлеба (ее основного продукта) и от 40 до 50 проц. всех выходявших за пределы русской деревни продуктов сельского хозяйства шло за границу.

перед революцией крестьянской, сходить с прямой столбовой дороги в поисках обходных путей.

С таким отступлением было связано (и благодаря ему и стало возможно) уже самое рождение русской пролетарской революции—октябрьский переворот.

В дни октябрьского переворота русский пролетариат выступил не с пролетарской, а с крестьянской аграрной программой—в сельском хозяйстве произошла не пролетарская, а крестьянская экспроприация экспроприаторов, раздел не только земли феодалов, но и капиталистического сельского хозяйства (хотя и не в собственность, а в пользование мелкой крестьянской буржуазии).

Но именно это отступление пролетариата и осуществило *смычку обеих революций*, пролетарской и крестьянской. Оно дало первой—недостававшую ей поддержку громадного большинства населения и громадного большинства армии, второй—недостававшую ей спайку и руководство. Революцию неорганизованных масс крестьянства и революцию организованного пролетарского меньшинства населения оно спаяло в победоносную революцию организованных масс.

Уничтожение сословия дворян—помещиков, а тем самым и сословий и сословного строя вообще, и уничтожение основы этого строя—помещичьего землевладения, словом, уничтожение *крепостнических* отношений; выход из империалистской войны и аннулирование старых займов и старых договоров, т. е. уничтожение выкованной империалистской войной *колониальной* зависимости от иностранного капитала; наконец, уничтожение *национального* угнетения, тяготевшего за исключением великорусской над всеми—по своему составу почти сплошь крестьянскими—народностями—таково основное содержание антифеодальной крестьянской революции.

Но приступить к своей работе крестьянская революция может лишь после того, как действительно сломлено централизованное в государственной организации сопротивление господствующего класса, после того, как уничтожена его государственная организация.

Этого крестьянство *самостоятельно* сделать не в состоянии. Крестьянство неспособно организовать свою собственную связь. Оно неспособно преодолеть свою раздробленность, являющуюся необходимым следствием распыленности крестьянского хозяйства. Именно поэтому все самостоятельные выступления крестьянства на протяжении всей истории человечества неизменно кончались поражением.

И именно поэтому смычка пролетарской и крестьянской революции означала, что в роли вождя и организатора крестьянской антифеодальной революции, в роли, которую в прежних великих революциях брала на себя буржуазия, выступил *впервые в истории человечества* пролетариат, ставший тем самым гегемоном нашей революции.

Но сложный характер революции неизбежно означал сложный характер и контр-революции.

Выступление пролетариата в качестве вождя крестьянской антифеодальной революции и выступление капиталистической буржуазии в качестве одной из сил контр-революции, одновременно капиталистической и феодальной (помещичьей), это—две стороны одного и того же общественного процесса.

А этот сложный характер контр-революции в свою очередь означал, что классовая борьба пролетариата против капитала стала необходимым элементом (составной частью) антифеодальной революции, а подавление контр-революционного сопротивления капитала необходимым *условием победы* антифеодальной революции.

Но подавление контр-революционного сопротивления капитала в условиях гражданской войны, т. е. невырешенности самого строя общества, невозможно без подавления рынка. Ибо рынок это питательная среда капитала, источник его силы, а значит, и его контр-революционной силы, необходимая для него атмосфера, вне которой он, лишенный собственности на средства производства, существовать не может.

Победа крестьянской революции становится, таким образом, невозможной без подавления рынка.

Вот почему крестьянство в конце концов дало свое согласие на подавление рынка. Но согласие на подавление рынка (на запрещение торговли) было ничем иным, как *отказом от завершения* антифеодальной крестьянской революции, которая ведь в том и состоит, что она крестьянина, опутанного крепостническими отношениями, превращает в крестьянина свободного, а это значит в свободного товаро-производителя, свободно распоряжающегося всем, что он произвел. И именно потому, что согласие крестьянства на подавление рынка было отказом от завершения крестьянской революции, крестьянство давало это свое согласие лишь с большими колебаниями. И каждое такое колебание приводило в движение шестую часть мира (а косвенно и больше), так как оно получало свое выражение в продвижении белых армий то от Черного моря, то из глубин Сибири к центру России, иной раз почти до самой Москвы.

И, конечно, согласие это было только *временным* согласием.

Поскольку мировая революция до сих пор не изменила в России соотношений между пролетариатом и крестьянством (его основной мелкобуржуазной массой), не поставила рядом с русским пролетариатом пролетариата хотя бы одной из передовых капиталистических стран, постольку как раз *победа* русской революции, которая была победой и пролетариата и крестьянства, неизбежно вела к дальнейшему *отступлению* русской пролетарской революции перед революцией крестьянской.

Ибо победа означала, что на задний план отходило военно-организаторское значение пролетариата в совместной с крестьянством борьбе против помещичьей реставрации и интервенции мирового капитала.

Победа, т. е. прекращение открытой борьбы против нового строя, фактическое признание его классовыми противниками, означала, что подавление рынка *перестало* быть условием победы революции вообще, а значит и революции крестьянской.

Основная масса крестьянства, которая, лишь скрепя сердце, шла на запрещение торговли, пока она стояла

перед выбором—возвращение помещиков и превращение в колонию или согласие на подавление рынка, решительно восстала против запрещения торговли, как только борьба с помещиком и иностранным капиталом закончилась. Таким образом, военная, следовательно, в первую голову *политическая победа* пролетариата неизбежно вела, в данных условиях, к его *экономическому отступлению*.

Новая *экономическая* политика—восстановление *рыночных* отношений и возможность восстановления и развития на их почве и *капитала* при сохранении в руках пролетариата крупного хозяйства и политического господства—и явилась этим *отступлением*. Она сурово подчеркнула, что наша революция—сложная революция, не только антикапиталистическая революция пролетариата, но и антифеодальная революция крестьянства.

Отступление пролетарской революции состояло прежде всего в *восстановлении рыночных отношений*. А это значит—не только в переходе от натуральных отношений к товарно-денежным, но и в признании основной *общественной* деятельности человека, в признании хозяйственной деятельности каждого его *частным* делом. Тем самым пролетарскому социалистическому строительству навязывались чуждые ему хозяйственные формы (коммерческие начала). Отступление пролетарской революции состояло далее в явившемся неизбежным последствием восстановления рыночных отношений *отказе от исключительности* пролетарской революции. В допущении не только возможности накопления богатств и восстановления власти денег, но и *возможности восстановления капиталистической эксплуатации*, хотя *материально* (на деле) ограниченных довольно узкими пределами: восстановление капиталистической эксплуатации вследствие того, что *основные* средства (крупного) производства, экспроприированные у капитала, остались в руках пролетариата; образование богатств вследствие того, что в руках рабочего класса осталась политическая власть, а значит и взимание *налогов*.

Отступление для пролетарской революции, новая *экономическая* политика является для антифеодальной *кре-*

стьянской революции ее *завершением*. Она окончательно превращает основную массу крестьянства в *свободных* товаропроизводителей. В придачу к земле и освобождению от всех пут крепостничества, колониальной зависимости и национального угнетения она открывает основной массе крестьянства свободный доступ к *рынку*.

Если победа крестьянской революции, являющаяся условием её завершения, т. е. выхода основной массы крестьянства на рынок, была, пока длилась гражданская война, невозможна без подавления рынка, то закрытие для мелкого товаропроизводителя доступа к рынку *после* того, как подавление рынка перестало быть необходимым для самой крестьянской революции, означало бы: затруднить мелкобуржуазной массе крестьянства использование плодов революции, задержать развитие производительных сил мелкого хозяйства и, в результате этого, вызвать неизбежный конфликт между пролетариатом и основной массой крестьянства, разрыв смычки между пролетарской и крестьянской революцией, всероссийский Кронштадт.

Однако, восстановление рыночных отношений *после победы революции* отнюдь не означает уничтожения возможности продолжения пролетарской революции. Оно означало не крушение, а отступление пролетарской революции, ее *ограничение и изменение способов* ее осуществления.

Открывая для крестьянской революции возможность беспрепятственно *дойти до конца*, оно тем самым устраняло конфликты и трения между революцией крестьянской и революцией пролетарской. Путем отказа пролетариата от *полного и непосредственного* (т. е. происходящего в наиболее соответствующих для пролетарской революции формах) осуществления пролетарской революции, путем необходимого *самоограничения* пролетарской революции, как в ее объеме, так и в способах осуществления, это отступление открывало перед пролетарской революцией трудную, но единственно возможную в данных условиях дорогу для ее продолжения.

Но оно несомненно означало переход пролетарской революции в условия крайне *трудного* продвижения вперед, так как навязало ей несвойственные ей спо-

собы (формы) строительства, ограничило ее объем и создало условия для одновременного роста сил и ее врага, капитала.

С момента провозглашения новой экономической политики—всерьез и надолго, но не навсегда,—прошло почти три года. Напряженно и тревожно ищет русский, ищет весь мировой пролетариат ответа на основной вопрос: каковы результаты этого отступления для *пролетарской* революции? Развивается ли, крепнет ли политически и, самое главное, экономически новое создаваемое пролетариатом общество *в условиях отступления* пролетарской революции, или мелко-буржуазная, а это значит—буржуазная, стихия размывает застывшую лаву пролетарской революции?

Победа русской революции в вооруженной борьбе с миром врагов была куплена ценой неслыханных жертв. Издержки гражданской войны, присоединившись к издержкам войны империалистической, привели к такому падению производительных сил России ¹⁾, что поднятие их методами, а значит, и силами одного пролетариата, при том одного русского пролетариата, было невозможно. Отсюда, говоря словами т. Ленина: „сотрудничество двух классов—рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях *нэпманы*, т. е. буржуазия“. Но сотрудничество классов—это лишь рамки классовой борьбы. В России классовая борьба отличается от других стран тем, что происходит *в рамках и на почве советского строя*, т. е. экономического превосходства (господства над *основными* средствами производства и обмена) и политической диктатуры *не капитала, а пролетариата*.

Советский строй еще не социалистический строй, но это строй общества, *переходящего* от капитализма к социализму. Еще существуют классы, в том числе и (весьма уменьшившийся по своему значению и силе) классе капиталистов, еще существует (сильно сжавшаяся по объему)

¹⁾ О размерах падения производительных сил яснее всего говорят два факта: в 1921—22 г. в Россию, снабжавшую раньше хлебом половину всего нуждающегося мира, пришлось ввозить заграничный хлеб, а незадолго до того всерьез был поставлен вопрос о ввозе в Донбасс заграничного угля.

классовая эксплуатация, еще существует нищета, голод и безработица одних и бесстыдная роскошь других, еще существует проституция, детская беспризорность, бесприютность стариков и инвалидов и необходимость протягивать руку, прося подавания у раз'евшегося нэпмана, еще существует крестьянское хозяйство и домашнее хозяйство, следовательно, крестьянская и женская уозость и ограниченность, *но политическая власть и господство над основными средствами общественного производства и обмена* (крупной промышленностью, транспортом, оптовой торговлей и кредитом)—в руках *пролетариата*, завоевавшего условия для строительства социализма.

Поскольку пролетариат не осуществил социализма, т. е. планового хозяйства, кладущего конец товарной анархии хозяйственной жизни и ее издержкам и обеспечивающего беспрепятственное развитие производительных сил общества, постольку основной вопрос нынешнего периода нашей революции это—*тот: создает ли переходный советский строй необходимые условия для развития производительных сил общества*, производительных сил *всего* общества и производительных сил *крупного* хозяйства, находящегося в руках пролетариата.

Первый вопрос, это—вопрос о том, является ли пролетарский режим *прогрессивным* режимом, второй—является ли этот прогресс прогрессом *пролетарского* общества.

Перед пролетариатом, как господствующим классом, стоят, следовательно, три основные задачи.

Во-первых, задача поднятия производительных сил *всего* общества, что одному пролетариату его методами в данных условиях не под силу; отсюда допущение и иных методов.

Во-вторых, задача сугубого поднятия производительных сил перешедшего в руки пролетариата и удержанного им (*в этом* новая экономическая политика ничем не отличается от старой) крупного хозяйства, опираясь как на внутренние силы этого крупного пролетарского хозяйства, так и на отчуждаемые государством путем налогов средства частных капиталистических и мелкобуржуазных

предприятий ¹⁾, эта задача есть одновременно задача упрочения нового экономического строя этого крупного хозяйства, упрочения власти пролетариата и под'ема его жизненного и культурного уровня.

И в-третьих, задача удержания классовой борьбы в рамках советского строя, иными словами, задача обеспечения того сотрудничества классов на почве советского строя, о котором писал тов. Ленин, и в основе которого лежит союз рабочих и крестьян, экономический (их торговая „смычка“) и политический.

Верховным критерием того, насколько успешно разрешаются эти задачи, здесь, как и повсюду, является *практика*. Каковы же факты?

Всякому понятно, что время борьбы не время хозяйственного под'ема и не время под'ема жизненного уровня рабочих—это знает каждый рабочий по опыту любой стачки. Только в 1921 г. прекратилась вооруженная борьба Советов за свое существование; 1921—1922 сельско-хозяйственный год был годом неслыханного неурожая и голода, результата стихийного бедствия и разрухи, порожденной империалистической и затянувшейся, вследствие бешеного сопротивления эксплуататоров, гражданской войной. Только недавно закончился *первый* год, протекший без войны и неурожая.

Но уже сейчас несомненен всесторонний под'ем народного хозяйства советских республик.

Стоимость окончательных продуктов крупной промышленности, находящейся, за малыми исключениями, в руках пролетариата, составила (по данным ЦСУ в миллионах золотых рублей по довоенным ценам):

	В мил руб.	В 0/0/0 к 1920 г.	Прирост за год в 0/0/0
В 1920. . .	518	100	—
„ 1921. . .	669	129	+29
„ 1922. . .	954	184	+43

¹⁾ Под'ем крупного хозяйства, как и развитие Красной армии, является национальной необходимостью, ибо без него неизбежно превращение России в колонию иностранного капитала; здесь интересы пролетариата и мелкой буржуазии (прежде всего сельской) сходятся.

Данных за 1923 г. еще нет. Но и в 1923 году подъем промышленности продолжался. По данным Госплана валовая стоимость всех (не только окончательных) продуктов горной и фабрично-заводской промышленности составила (также в миллионах золотых рублей по довоенным ценам):

В мил. руб. В 0/00 к 1920-1 г. Прирост за год в 0/00

В 1920-1 хо- зяйств. году ¹⁾	930	100	—
„ 1921-2 „	1.355	146	+46
„ 1922-3 „	1.949	210	+44

В 1921 году действие новой экономической политики еще не могло сказаться, но уже сказалось прекращение войны, а во второй половине года—голод. В 1922 году уже проявилось влияние новой экономической политики, прекращение войны и сокращение армии, а на первую половину его пришлось наихудшие муки голода.

1922-3 хозяйственный год был *первым* годом, когда наше хозяйство не испытало на себе нового удара ни со стороны войны, ни со стороны голода.

И вот общий результат: *подъем* крупной промышленности и при том вначале резко ускоряющимся темпом; в течение же последних двух лет продукция нашей промышленности увеличивалась ежегодно почти в *полтора* раза, в то время как перед войной, в годы наивысшего подъема, это увеличение составляло в год только 9%, т. е. было в *пять* раз слабее.

Достигнутый уровень еще очень невысок—валовая продукция крупной и средней промышленности составила и в 1922—3 г. только немногим больше трети (35 процентов) довоенной. Но лиха беда—начало; подъем только начался.

¹⁾ Хозяйственный год считается с 1 октября по 1 октября.

Этот вывод вполне подтверждается данными по основным отраслями промышленности (данные ВСНХ).

	1913 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
	(В миллионах пудов).						
Добыто каменного угля	1738	731	511	467	520	553	727
„ нефти	554,8	245	273	243	246	290	325
Выплавлено чугуна	256,8	31,5	6,9	7,0	7,0	11,5	23,5
Произведено мартеновского металла	259,3	24,5	12,2	10,0	11,0	22,5	43,6
Выработано хлопчатобумажной пряжи	16,0	—	1,0	0,825	0,935	3,560	3,104 4,492
Выработано хлопчатобумажного суровья (в милл. арш.)	—	—	250	124	152	474	501 842

Повсюду низшая точка достигнута в 1920 г., последнем году войны. С 1921 г. начинается под'ем, ускоряющийся в 1922 г. В 1923 г. этот под'ем продолжается.

Этот под'ем крупного хозяйства—интенсивный под'ем; одновременно идет и *рост производительности труда*.

По данным ВСНХ и ЦСУ валовая выработка одного рабочего в 1921—1922 г. (хозяйственный год с 1 октября по 1 октября) поднялась против 1920—1921 г. в среднем *вдвое*, в частности:

в золото-платинов. пром. на	493 ⁰ / ₀
„ сахарной промышл. на	428 ⁰ / ₀
„ рудной „ „	275 ⁰ / ₀
„ металлическ. „ „	127 ⁰ / ₀
„ химической „ „	125 ⁰ / ₀
„ текстильной „ „	107 ⁰ / ₀
„ пищевой „ „	91 ⁰ / ₀
„ нефтяной „ „	63 ⁰ / ₀
„ каменноугольн. пром. на	49 ⁰ / ₀

1) Для текстильной промышленности данных за весь 1923 год еще нет.

В 1922—3 г. валовая выработка на одного рабочего продолжала расти и увеличивалась по данным Госплана о 12 крупнейших отраслях промышленности за 9 мес. 1922—3 г. против тех же 9 мес. 1921—2 г. почти на треть (на 30⁰/₀).

И здесь довоенный уровень производительности труда большей частью еще не достигнут—в детально обследованных 15 текстильных предприятиях производительность труда составляла в 1922 г. 60 проц. довоенной (что, несомненно, было близко к средней), но у забойщиков 96 проц. довоенной, на заводе „Красный Треугольник“—107 проц., в 1-й образцовой типографии даже 145 проц. довоенной.

Но самое важное—производительность труда *растет*: 1921—2 хоз. год был годом, когда крупная промышленность в целом дала еще убыток (отдельные немногие отрасли—прибыль) и потребовала субсидий от государства, но рост производительности труда и понижение издержек, вследствие увеличения нагрузки, постепенно превращают одну отрасль крупной промышленности за другой из убыточной для государства в прибыльную.

В 1922—3 г. государство затратило на промышленность (по данным ВСНХ) 143 мил. тов. рублей, а получило от налогового обложения промышленности около 115 мил. тов. руб. ¹⁾; но к последней цифре нужно добавить еще отчисления от прибылей промышленности за 1922—3 г., которые внесены в текущий бюджет в размере около 24 мил. руб. ²⁾ (червонных), но в действительности составят, вероятно, большую сумму.

Таким образом, уже в 1922—3 г. промышленность, не смотря на то, что она затрачивала большие средства на расширение производства, *потребовала от государства немногим больших, а быть может и вообще не больших, средств, чем те, какие сама дала государству.*

¹⁾ По данным Госплана 135 мил. тов. руб. при расчетах по индексам на 1-е число; при расчете по индексу на 15-е число, по которому сделан расчет ВСНХ, получим около 115 мил. тов. руб.

²⁾ В бюджет внесены отчисления от прибылей промышленности за 1921—2 г. и 1922—3 г., но фактически прибыль за 1921—2 г. имела место в очень редких случаях, и то в небольших размерах.

Общий же размер прибыли промышленности в 1922—3 г., затраченной преимущественно на расширение производства, оценивается—точных данных еще нет—в размере от 200 до 250 мил. руб.

По предварительному бюджету государственной промышленности на 1923—4 год предположено получение 323 мил. руб. чистого дохода от промышленности, из них 147 мил. руб. прибыли и 176 мил. руб. налогов и акцизов; затраты же государства предположены в размере 65 мил. руб. дотаций и 26 мил. руб. на консервацию и концентрацию, кроме того ссуд на срок свыше года 14,5 мил. руб., всего, следовательно, около 105 мил. рублей.

То, чего промышленность достигла, или почти достигла уже в прошлом году (равновесие затрат государства на нее и доходов от нее), того транспорт почти достигнет согласно бюджетным предположениям в текущем 1923—4 году.

В 1922—3 г. доходы транспорта составили (по данным Госплана) 310 мил. руб., расход (предположительно) 428 мил. руб., государственная дотация транспорту 118 мил. руб. В 1922—3 г. государственная дотация транспорту предположена в размере лишь около 40 мил. руб.

Таким образом, *государственное хозяйство пролетариата, взятое в целом* (т. е. государственная промышленность, транспорт и прибыльные уже и сейчас государственные торговля и кредит), явно становится доходным и способным к расширению *за счет своих собственных ресурсов*.

Подъем крупной промышленности сопровождается ростом и подъемом пролетариата. Численность промышленного пролетариата по данным, охватывающим около 3.200 предприятий с $\frac{3}{4}$ всех промышленных рабочих (ок. 850 тыс. человек), достигла минимума к 1 ноября 1921 г., а затем стала подниматься: за 1 год с 1 января 1922 г. по 1 января 1923 г. численность промышленного пролетариата возросла почти на 10 проц. (а стоимость продукции в 1922 г. против 1921 г. на 43 проц.)

С 1 января по 1 октября 1923 г. численность промышленного пролетариата (по данным статистики труда) возросла снова на 10 с лишним процентов.

Для всей же (цензовой) фабрично-заводской и горной промышленности (по данным Госплана) численность промышленного пролетариата составляла:

В 1921—2 г. 1243 тыс. чел.

В 1922—3 г. 1452 тыс. чел.

т. е. больше на 209 т. ч. или на 17%.

Численность промышленного пролетариата еще далеко не достигла довоенного уровня, составляя по отношению к нему в 1922—23 г. только 56%, т. е. *немногим больше половины*, но и она быстро растёт.

О подъеме пролетариата говорит рост реального заработка рабочих.

Средний годичный заработок промышленных рабочих (по данным Госплана) составил:

	В дов. руб.	Прирост за год в % ⁰ / ₀
В 1920—21 хоз. г.	100	—
В 1921—22 „ „	123	23% ⁰ / ₀
В 1922—23 „ „	153	24% ⁰ / ₀

Он вырос, таким образом, за два года в *полтора* раза.

И заработок промышленных рабочих также не достиг еще довоенного уровня, составляя по данным, охватившим ок. 900 тыс. раб. в предприятиях св. 250 чел. в октябре 1923 г., 62% (в среднем для всей России) довоенного ¹).

В столицах повышение значительнее: так, в том же октябре 1923 г., он составил в среднем по всей России 62% довоенного, в Ленинградской губ. 82%, в Москве—93%, а у московских пищевиков даже 113 проц. довоенного. Зато у горнорабочих 38%, у железнодорожников 46%, у металлистов 52%, по всем остальным отраслям промышленности выше 70%.

¹) Рабочий класс многих стран Центральной Европы отнюдь не может похвалиться значительно более высоким, по сравнению с довоенным, уровнем реальной заработной платы. Скорее наоборот.

Так в марте 1923 г. реальная заработная плата квалифицированных металлистов в %⁰/₀ к довоенной составляла (по данным статбюро Профинтерна): в Англии 78%, в Германии 57%, в Австрии 63%, в Польше 43%, в СССР в октябре 23 г. 52% (данные стат. труда).

Что интенсивность труда в Советской России не ниже, а скорее выше, чем до революции, показало обследование упомянутых выше 15 текстильных предприятий, в которых выработка одного рабочего составила в 1922 году 60 проц. от выработки в 1912 г., а заработок (реальный) около 50 проц. заработной платы 1912 г.

Другой расчет (произведенный тов. Струмилиным) привел к тому результату, что за первые шесть месяцев 1923 г. дневной заработок промышленного рабочего увеличился на 5¹/₂%, а производительность труда на 18%.

Как ни низок достигнутый пока уровень, факт всестороннего под'ема пролетариата и его материальной базы, крупной промышленности, на лицо.

Но столь же несомненен и под'ем народного хозяйства в целом. Для мелкой промышленности мы имеем следующие данные о стоимости окончательных продуктов ее (для 1920 г. по данным переписи, для 1921 и 1922 годов по оценке ЦСУ в миллионах рублей по довоенным ценам).

Год.	В мил. руб.	В ‰ к 1920 году	Прирост за год в ‰
В 1920	193	100	—
В 1921	260	135	35
В 1922	413	214	59

Соответственные данные для арендованной промышленности:

В 1921	66	—	—
В 1922	98	—	48

(Для 1923 г. данных пока еще нет).

И мелкая промышленность еще не достигла довоенного уровня (в 1922 г. примерно около ³/₅ довоенной продукции).

Но что гораздо важнее—под'ем идет и в основной отрасли мелкого хозяйства—в сельском хозяйстве. Первым годом *общего* под'ема сельского хозяйства был истекший 1923 год, до него, наряду с явственным под'емом сельского хозяйства в центральной и западной части СССР, шло резкое падение его в большинстве других районов под влиянием исключительного бедствия, неурожая 1921 года.

Общая продукция сельского хозяйства составила (по расчетам проф. Н. Огановского) в довоенных ценах:

в 1922 г. 3.995 мил. руб.

„ 1923 г. 4.540 „ „

Она, следовательно, увеличилась почти на 14⁰/₀, т. е. на одну седьмую за один год, достигнув трех четвертей довоенного уровня всего сельского хозяйства и 85—90 проц. довоенного уровня *крестьянского* сельского хозяйства. И это вовсе не результат стихийных причин: урожай в 1923 г. был значительно хуже прошлогоднего.

Этот под'ем захватил (хотя и не в одинаковой степени) все отрасли и (за исключением Киргизии) все районы сельского хозяйства С. С. С. Р.

Земледелие выросло (по данным Ц. С. У.) за последний год почти на *десять миллионов десятин*, что составляет (по расчету ЦСУ) около 19⁰/₀ прироста.

В том числе увеличение площади посевов (по данным ЦСУ) составило:

для озимой ржи 21 проц.

„ яровой пшеницы 44¹/₂ „

„ овса 22¹/₂ „

„ ячменя 73 „

„ картофеля 28 „

(посевн. площади уменьшились лишь для проса и кукурузы).

1923 год был также и годом восстановления технических культур, т. е. производства сельско-хозяйственного сырья для промышленности.

Посевные площади их (по местным данным, согласно сводки „Соц. Хозяйство“, дали в 1923 г. против 1922 г. прирост: по картофелю с 2351 т. до 3016 т. дес., т. е. на 28⁰/₀ (при чем площадь картофеля превысила довоенную—2718 т. дес.—на 11⁰/₀).

По сахарной свекле с 162 т. до 200 т. дес. т. е. на 24⁰/₀

„ льну „ 800 т. „ 276 т. „ т. е. „ 22⁰/₀

„ конопле „ 535 т. „ 670 т. „ т. е. „ 25⁰/₀

(причем площадь конопли превысила довоенную—584 т. дес.—на 15⁰/₀).

По подсолнуху с 1470 до 1556 т. дес., т. е. на 7⁰/₀ (причем площадь подсолнуха превысила довоенную — 817 т. д.—почти вдвое).

По хлопку с 55 до 200 т. д., т. е. на 263⁰/₀
(почти втрое)

„ кормовым травам „ 540 до 731 т. д., т. е. 35⁰/₀

„ махорке ¹⁾ „ 4/3 „ 20 „ „ 365⁰/₀

(почти вдесятеро.)

„ табаку ¹⁾ „ 1,8 „ 15,5 т. д., т. е. 761⁰/₀

по Кавказу и Крыму (почти в девять раз).

Скотоводство (по данным Наркомзема РСФСР) также показывает рост количества скота, хотя и не такой значительный, как рост посевных площадей в земледелии.

Этот прирост в 1923 против 1922 года составил:
для лошадей 7⁰/₀ (в том числе для рабочих лошадей 5⁰/₀)

„ круп. рог.

скота 9⁰/₀

„ овец и коз 18⁰/₀

„ свиней 22⁰/₀

При этом особенно быстро идет рост *молодняка*, обещающий ускоренное восстановление скотоводства, сильно пострадавшего от голода 1921—22 года (по сравнению с 1916 г. осталось около 2/3 лошадей, около 3/4 крупного рогатого скота и около 1/2 как овец и коз, так и свиней).

Прирост *молодняка* в 1923 г. против 1922 г. составил:

для лошадей 16⁰/₀

крупного рогат. скота 25⁰/₀

Расширяются и второстепенные отрасли сельского хозяйства: так число птиц поднялось в центральных губерниях в 1923 г. против 1922 г. от 30 до 130⁰/₀.

Подъем сельского хозяйства охватил все районы, кроме Киргизии. Так, площадь посевов (мы ограничимся земледелием) возросла:

В потребляющей полосе (в которой рост посевной площади идет с 1921 г.) на 9⁰/₀

в производящей „ 24⁰/₀

на юго-востоке „ 30⁰/₀

¹⁾ Данные В. С. Н. Х.

на Украине	на 17 ⁰ / ₀
в Сибири	„ 20 ⁰ / ₀

(в Киргизии уменьшилась, но лишь на 6⁰/₀).

Этот под'ем не является, однако, простым восстановлением довоенных отношений: в пореволюционном сельском хозяйстве идет определенный сдвиг в сторону очень быстро растущих *интенсивных* культур, которые в отношении ко всей посевной площади составляли:

в 1913 г.	10,5 ⁰ / ₀
„ 1922 г.	11,8 „
„ 1923 г.	12,0 „

Всесторонний, при том достигнутый исключительно за счет *внутренних* сил (без привлечения иностранного капитала), под'ем всего народного хозяйства Союза Советских Республик — несомненный факт. О нем говорит и *рост грузооборота* на железных дорогах, который за 1922—3 год на целую *треть* больше, чем за 1921-2 год. Этот под'ем распространяется как на крупную промышленность, находящуюся в руках пролетариата, так и на мелкую капиталистическую и некапиталистическую промышленность и на сельское хозяйство.

При этом удельный вес находящихся в руках пролетариата крупной промышленности, транспорта и кредита возрастает. В промышленности удельный вес крупной промышленности не подвергся сколько-нибудь значительному изменению ни по сравнению с арендованной (дающей около 5 проц. продукции) ¹⁾, ни по сравнению со всей мелкой промышленностью. 65—70% продукции промышленности приходится на крупную промышленность, а основные отрасли (добыча минерального топлива, металлургия и др.) находятся почти целиком в руках пролетарского государства. Вся же промышленность в целом растет значительно (в 2—3 раза) быстрее, чем сельское хозяйство. Внешним выражением этого явления служит *рост городов*, потеряв-

1) В июле 1923 г. из общего числа промышленных рабочих на занятых в частной промышленности приходилось:

во всем СССР	— 4,3 ⁰ / ₀
в Ленинграде	— 7,6 ⁰ / ₀
в Москве	— 13,6 ⁰ / ₀

ших значительную часть своего населения в годы гражданской войны. С 1920 г. по 1923 г. население Москвы увеличилось на 50 проц., Ленинграда на 45 проц., городов центрального промышленного района на 20 проц.; в среднем по всей России (по данным, охватывающим до $\frac{2}{3}$ городского населения) на 10 проц.

Характеризующее народное хозяйство нашего Советского Союза соотношение между находящимся в руках пролетариата крупным хозяйством и остальной частью народного хозяйства выявляется *на рынке* и именно во *внутренней* торговле.

Оптовая торговля находится (по данным произведенной в 1923 г. ЦСУ переписи городской торговли) *в руках государства* больше, чем *на три четверти*, а именно: из всего оптового оборота приходилось:

на оборот государственной торговли	—	77 ⁰ / ₀
„ „ кооперативной „	—	8 ⁰ / ₀
„ „ частной „	—	15 ⁰ / ₀

При этом средний оборот одного государственного оптового торгового предприятия был почти в пять раз больше, чем средний оборот одного частного оптового торгового предприятия (у кооперативного почти такой же, как у частного).

Оптово-розничная торговля находилась (по тем же данным) лишь *наполовину* в руках государства и кооперации. Из всего оптово-розничного оборота приходилось:

на оборот государственной торговли	—	39 ⁰ / ₀
„ „ кооперативной „	—	11 ⁰ / ₀
„ „ частной „	—	50 ⁰ / ₀

Средний оборот одного государственного оптово-розничного торгового предприятия в полтора раза больше частного (у кооперативного в полтора раза меньше частного).

Почти половина оборота, как оптовой, так и оптово-розничной городской торговли, приходилась на Москву.

Городская розничная торговля почти полностью — *на пять шестых* — находилась (по тем же данным) в руках *частных* торговцев.

Из всего розничного городского оборота приходилось:

на оборот государственной торговли.	. . .	7 ⁰ / ₀
” ” кооперативной ”	. . .	10 ⁰ / ₀
” ” частной ”	. . .	83 ⁰ / ₀

из которых 52⁰/₀ приходится на более крупную торговлю постоянных заведений и 31⁰/₀ на базарную торговлю (последняя, несомненно, учтена не вся).

Средний оборот одного государственного предприятия, а также и кооперативного розничного предприятия, почти вчетверо больше частного. Одна пятая городской розничной торговли приходится на Москву.

Общих данных о сельской торговле, к сожалению, нет. Обложенные уравнительным сбором обороты сельской торговли оказались (во 2-м квартале 1923 г. по данным НКФ) в семь раз меньше обложенных тем же сбором оборотов городской торговли. Однако, в действительности значение сельской торговли несомненно много большее.

Тем не менее, приведенные выше данные о соотношении разных форм городской торговли характеризуют, однако, по всем видимостям, и всю торговлю городскую и сельскую в целом.

Оптовая сельская торговля ничтожна и составляет (по тем же данным НКФ) лишь неполную *тридцатую* часть городской оптовой торговли. То же относится и к оптово-розничной сельской торговле, составляющей менее одной *двадцать пятой* городской оптово-розничной торговли. Так как оптовая и оптово-розничная сельская торговля едва-ли в больших размерах ускользнула от учета, то из этих данных следует, что городская оптовая и оптово-розничная торговля обнимает почти всю оптовую и оптово-розничную торговлю.

Розничная сельская торговля, учтенная в данных НКФ, составляет свыше девяти десятых всей (учтенной НКФ) сельской торговли, а в действительности еще большую часть, так как несомненно, что именно розничная торговля учтена весьма неполно. Из всего ее оборота на оборот кооперативной торговли приходится (по оценке Центросоюза) 15-20⁰/₀, т. е., примерно, та же доля, которая в городской

розничной торговле приходится на государственную и кооперативную торговлю вместе; остальные 80—85% приходятся на частную торговлю (по другим оценкам даже до 90%).

Итак, крупная оптовая торговля, имеющая возможность влиять на всю торговлю в целом, находится почти вся в руках государства; средняя оптово-розничная наполовину (более крупная) в руках государства и кооперации, наполовину (более мелкая) в руках частных торговцев, т. е. торгового капитала; розничная, по преимуществу мелкая, почти вся в руках частных торговцев.

Об изменениях в соотношении между государственной и кооперативной торговлей—с одной стороны—и частной—с другой стороны—можно с известным правом судить за отсутствием непосредственных данных о всей торговле по данным о продажах государственных предприятий, подчиненных ВСНХ и МСНХ.

Примерно, *две трети* продаж государственных предприятий приходится на продажи государственным же органам (т. е. на торговлю между государственными органами). Доля частных лиц, судя по этим данным в 1922-23 г., *не возрастала*. Так, в течение 1922-23 г. на долю частных лиц приходился (по месяцам с октября 22 г. по сентябрь 23 г.) следующий процент от общей суммы продаж: 31, 20, 12, 17, 8, 12, 12, 10, 15, 14, 14, 10.

Внешняя торговля полностью находится в руках государства (монополия внешней торговли). В 1922-23 г. до того неизменно пассивный торговый баланс сменился *активным* торговым балансом. Перевес вывоза над ввозом составил 23 мил. руб. В то же время к концу 1923 г. почти исчез *благотворительный* ввоз (грузы Помгола), последствие страшного голода 1921-2 г., в 1921-2 г. благотворительный ввоз почти втрое превышал вывоз, в 1922-3 г. он составлял уже лишь немногим более одной трети ввоза, а в последнюю четверть 1923 г. *менее одной двухсотой* вывоза, т. е. почти сошел на нет.

Однако, по своему размеру внешняя торговля составляла в 1922-3 г. лишь одну *шестую* размеров ее в 1913 г.

Вывоз хлеба начался в значительных размерах только в 1923 г., главным образом, в последние месяцы его.

Кредит фактически также полностью находится в руках государства.

Советский рубль в течение этих трех лет обесценивался даже быстрее прежнего ¹⁾ (особенно быстро он обесценивался во время голода и в начале текущего года), но значение эмиссии (выпуска) бумажных денег, как средства покрытия государственного дефицита, уменьшается благодаря росту поступлений от налогов, а последнее время и от внутренних займов.

В 1922—23 г. дефицит составил ок. 39^{0/0} всех расходов, в текущем году предположен в размере 20^{0/0}, следовательно, относительно *вдвое* меньший.

Современное положение советских финансов характеризуется уже тем фактом, что стали возможны постановка в порядок дня в качестве очередной задачи и приступ к денежной реформе.

Если ко всему добавить, что Союз Советских Республик—единственная страна на всем земном шаре, где с тех пор, как установилось—на почве признания рынка—удовлетворяющее обе стороны „сотрудничество двух классов—рабочих и крестьян“, царит полный, ничем не нарушаемый, *внутренний порядок*, обеспечивающий нормальный ход хозяйственного строительства, то мы приходим к выводу, что советский строй не только способен существовать, но и создал необходимые условия для развития производительных сил всего общества. На ряду с подъемом производительных сил всего общества идет и количественный и качественный подъем находящейся в руках пролетариата крупной промышленности и рост и подъем самого пролетариата.

Словом, *пролетарский режим оказался режимом прогрессивным, и новое создаваемое пролетариатом общество*

¹⁾ Не мешает отметить, что советский рубль отнюдь не является наиболее обесценивающейся валютой. Германская марка давно затмила его в этом отношении; в настоящее время официально признано обесценивание совзнака в 50 миллиардов раз, германской марки в триллион раз, т. е. в двадцать раз больше. Временами и польская марка перегоняла совзнак по темпу обесцениения.

строится и в трудных условиях отступления пролетарской революции, подготавливая, а отчасти подготовив, переход к новому наступлению.

Первый же спокойный год выявил гигантские внутренние силы пролетарской революции.

И именно этот факт приводит в беспокойство мировой капитал. Свободный русский пролетарий достиг того же, по сравнению с прежним, жизненного уровня, что и пролетарии, наемные рабы мирового капитала в его новой колонии, Германии, и не сегодня-завтра окажется даже в относительно лучшем материальном положении. Но свободный пролетарий, живущий без капиталиста, без хозяина, который „дает“ ему работу, и живущий относительно не хуже наемных рабов капитала, что может быть опаснее?

Рост внутренней силы увеличивает внешнюю опасность для первой в мире пролетарской республики. Однако, пролетарская республика опирается в борьбе с внешней капиталистической опасностью не только на свои силы, но и в известной мере и на силы еще порабощенного мирового пролетариата, заставляющего капитал действовать с оглядкой и даже вынуждающего его, как это недавно имело место в Англии, официально признать советское государство пролетариата ¹⁾.

Международное положение СССР крепнет, хотя одновременно растет и опасность нового нападения со стороны мирового капитала на союз советских республик, на это несносное советское бельмо на глазу капиталистического земного шара.

Но с подъемом организуемого пролетариатом советского общества и с подъемом самого пролетариата растут не только внешние опасности, но и внутренние. Ибо новая экономическая политика означает предоставление возможности действовать и развиваться и не находящимся в руках пролетариата хозяйственным формам, в том числе и капиталистическим.

¹⁾ Под давлением признания со стороны Англии признали СССР, как известно, и ряд других буржуазных государств.

По мере осуществления новой экономической политики шло нарастание *господства рыночной стихии*.

При переходе к новой экономической политике рыночная стихия была ограничена и в своем объеме и в своих формах. Пролетариат пытался ограничить свободу торговли рамками *местного* торгового оборота, а товарообмен—рамками *безденежного* товарообмена, в соответствии с чем в основу налоговой системы был положен *натуральный* продовольственный налог.

Однако, этим отступление не ограничилось. Пролетариат вынужден был вскоре *снять* все ограничения рынка, как касавшиеся объема, так и форм рыночного оборота. Свобода местного торгового оборота, сбросив с себя территориальные ограничения, превратилась в свободу всероссийского торгового оборота, безденежный товарообмен прорвал стеснявшие его формы и сменился сложными товарно-денежными и кредитными отношениями, натуральная налоговая система—денежной.

Получилось впечатление, что новая экономическая политика породила рынок. В действительности, однако, не новая экономическая политика породила рынок, а этот загнанный в эпоху гражданской войны в подполье рынок породил и подталкивал дальше по ее пути новую экономическую политику пролетариата, открывшую перед антифеодальной революцией свободный путь к ее полному завершению.

При колоссальных размерах сдвигов, вызванных войной и революцией в народном хозяйстве России, все возрастающее господство рыночной стихии получило свое выражение в исключительных по своему размаху колебаниях рыночной конъюнктуры.

Исходной точкой их явилось резкое нарушение имевших место до войны соотношений между промышленностью и сельским хозяйством. К началу новой экономической политики продукция промышленности составляла, примерно, одну *шестую* довоенной, продукция сельского хозяйства была близка к *трем четвертям* довоенной, т. е. относительно промышленность сократилась почти в *пять* раз силь-

нее сельского хозяйства. Конечно, сельское хозяйство стало одновременно в гораздо большем размере, чем это было до войны, производством для собственного потребления, и это обстоятельство несколько умеряло происшедшее нарушение соотношений между промышленностью и сельским хозяйством. Но русское сельское хозяйство было до войны аграрной базой не только русской, но и европейской промышленности, а разрыв связей с мировым хозяйством уничтожал для него заграничные рынки сбыта.

В результате всего этого относительный избыток продуктов сельского хозяйства стал обнаруживаться, как только закончилась война, и началось сокращение многомиллионной армии. В 1921 г., несмотря на частичный неурожай, цены на продукты промышленности (сравнительно с довоенными) стояли *выше*, чем на продукты сельского хозяйства.

Исключительный неурожай и голод 1922 г. резко изменил положение вещей. Но лишь на *семь* месяцев (с января по июль 1922 г.).

С августа 1922 г. вновь цены на продукты промышленности начинают превосходить цены на продукты сельского хозяйства и, чем дальше, тем сильнее ¹⁾.

Если в апреле 1922 г. продукты промышленности были в полтора раза дешевле продуктов сельского хозяйства (по сравнению с довоенными отношениями), то в апреле 1923 г. они были уже почти в два раза, а к октябрю 1923 г. больше чем *в три раза дороже* продуктов сельского хозяйства.

Это был результат урожая, давшего (по исчислению ЦСУ) в 1922 г. на 40% больше хлебов, чем в 1921 г. (2,8 миллиарда пудов против 2,0 миллиард.). Россия, которая в 1922 г. *ввозила* хлеб, стала снова страной дешевого хлеба и приступила к его вывозу. Путем установления высоких цен на продукты промышленности и низких на продукты

¹⁾ Графическое изображение этого расхождения цен—роста цен продуктов промышленности и одновременного падения цен продуктов сельского хозяйства—имеет вид раскрытых ножниц, которые были продемонстрированы т. Троцким на съезде нашей партии; поэтому и самое расхождение цен получило известность под именем „ножниц“.

сельского хозяйства рынок стимулировал развитие сильнее, чем сельское хозяйство, сжавшейся промышленности. Но колоссальный размах ценностных сдвигов (за полтора года изменение соотношения между ценами продуктов промышленности и продуктов сельского хозяйства без малого в *пять раз*) выражал собой полное господство рыночной стихии.

Разразившийся осенью 1923 г. кризис стал началом нового стихийного сдвига в *обратном* направлении (падения цен продуктов промышленности и роста цен продуктов сельского хозяйства), в результате чего в течение *шести* месяцев превышение промышленных цен над сельско-хозяйственными (по сравнению с довоенными соотношениями) оказывается в подавляющей своей части *сведенным на нет* (место превышения к октябрю пр. года на 220% в середине марта только на 30% с небольшим).

Ценностные сдвиги такого рода—в одну сторону за *полтора* года в *пять раз*, в другую сторону за *пол* года в *два с половиной* раза — это несомненно гигантские ценностные сдвиги, громадные валы бушующей рыночной стихии.

Создавая попеременно кризисы сбыта—то для промышленности, то для сельского хозяйства, они задерживают под'ем производительных сил (который без них шел бы еще быстрее) и являются весьма серьезным экономическим и социальным бедствием: проблема „ножниц“ чуть ли не в течение года стояла в центре внимания всей советской общественности, как ее коренная экономическая и социальная проблема.

Эти ценностные сдвиги, выражающие собой резкие колебания рыночной кон'юнктуры, т. е. господство рыночной стихии, ставят на очередь дня вопрос о введении этой стихии в известные рамки, о государственном *регуливании торговли* (опирающимся не только на политическую, но и на экономическую мощь советского государства, располагающего крупной промышленностью, транспортом, кредитом, оптовой внутренней и внешней торговлей), следовательно, о мерах действительного пере-

хода к плановому хозяйству, т. е. к подчинению рынка вместо подчинения рынку.

Осенний кризис 1923 г. дал толчек ряду мер по регулированию государственной торговли (установление обязательных для государственных хозяйственных органов *фиксированных* цен и др.), которые, оставляя рыночные (в частности денежные) формы хозяйственных взаимоотношений, коренным образом меняют их содержание ¹⁾. Проводящаяся сейчас денежная реформа привела к государственному вмешательству и в *частную* торговлю.

Действительные успехи в деле государственного регулирования торговли, опирающегося на политическую и экономическую мощь советского государства, позволили бы значительно ускорить подъем производительных сил СССР.

Подчинение рынка возможно, однако, лишь в результате экономической победы государственного хозяйства над частным капиталом, стремящемся хозяйничать на рынке в своих интересах. Но победа предполагает борьбу. Между тем, первый период новой экономической политики с весны 1921 г. и до осени 1923 г.—период развертывания рыночной стихии, захлестывавшей все новые и новые пространства, характеризуется не борьбой с новой буржуазией, а сотрудничеством с ней, вытекавшим из условий перехода пролетариата к новой экономической политике.

К тому моменту, когда, после шести лет империалистской и гражданской войны, победивший в последней пролетариат получил возможность приступить к хозяйственному строительству, народное хозяйство России характеризовалось: крайней степенью падения производительных сил страны, отвлечением колоссальных народно-хозяйственных средств на нужды военного аппарата и исключитель-

¹⁾ Специфический характер советского экономического строя выявил себя во время осеннего кризиса 1923 г., который был изжит без сколько нибудь серьезного сокращения производства, благодаря с одной стороны всеобщей *отсрочке платежей* (в значительной части взаимно покрывавшихся) и *подъему* заработной платы и связанному с ним дополнительному расширению рынка, помимо расширения рынка, вызванного снижением цен; дожидаться результатов этого расширения рынка дала возможность приостановка платежей, т. е. отказ от частнохозяйственного принципа.

ным по своим размерам разрывом хозяйственных связей между городской промышленностью и сельским хозяйством. Россия переживала жесточайший *кризис истощения*. Задача восстановления производительных сил страны и подъема жизненного уровня народных масс упиралась — после того, как прекратилась гражданская война и резко сократились военные издержки — в необходимость преодолеть разрыв хозяйственных связей между городом с его промышленностью и деревней с ее сельским хозяйством. Проблема хозяйственной *смычки города и деревни* стала *центральной* проблемой дня.

Однако, необходимый *темп* восстановления хозяйственных связей города и деревни не мог быть достигнут силами одних хозяйственных организаций пролетариата ни в их старых, ни в их новых (коммерческих) формах. Не мог он, разумеется, быть достигнут и силами хозяйственно-распыленной основной массы крестьянства.

Отсюда вытекала необходимость допущения и даже известного, можно сказать, выращивания частной, т. е. капиталистической, торговли, как одной из форм хозяйственной связи города и деревни, при отсутствии которой не мог быть достигнут необходимый темп восстановления этой связи.

В руках капитала оказывалась своего рода фактическая монополия на восстановление недостававших (разрушенных) хозяйственных связей, своего рода фактическая *монополия в сфере обращения* ¹⁾.

Поэтому период с начала новой экономической политики до осени 1923 г. характеризуется *сосуществованием* рядом капиталистической торговли, с одной стороны, государственной (и кооперативной) торговли, с другой.

Условием допущения деятельности торгового капитала было признание им советского строя, т. е. деятельность на почве и в рамках последнего.

То, что капитал на эти условия шел, это было результатом *победы* пролетариата; но в том, что пролетариат это

¹⁾ Как мы видели, весной 1923 г. пять шестых розничной торговли городами (а в деревне, вероятно, больше) было в руках частных торговцев.

сотрудничество торгового капитала принял, в этом *отступлении* пролетариата получило свое наиболее яркое выражение.

Торговый капитал широко использовал открывшиеся перед ним возможности. Не только в смысле разворачивания своей торговой деятельности, т. е. по сути дела установления хозяйственных связей между городом и деревней, но и в смысле использования государственных хозяйственных органов, в первую голову использования и присвоения их ресурсов, ставшего одной из основных форм первоначального капиталистического накопления.

Использование это шло самыми многообразными путями, в большей мере скрытыми, чем явными. Так, обследование РКИ банковского кредитования выяснило, что *прямой* банковский кредит, оказываемый банками частным фирмам был не велик, зато большую роль играл косвенный—путем учета векселей государственных хозяйственных органов.

Так частные лица получали:

прямых кредитов в 0/0/0 ко всей сумме кредитов.	путем учета векселей госорганов в 0/0/0 ко всей сумме учтенных векселей.	
В Госбанке 0,3/0 (за 22-23 г.)	0,6/0 в янв. и 0,7/0 в февр.	24 г.
„ Промбанке 7,4/0 „ „ „ „	Из векс. текст. промышл.	Из вексел. торг. госуд. учрежд.
	в дек. 23 г. 18,1/0	42/0
	в янв. 24 г. 12,2/0	
	в фев. „ 8,7/0	63,4/0
В Моск. Горбанке по векс. на I/XI. 23 г. кредиту 2,3/0	Из векселей:	
	текст.пром. 33,9/0	
	торг. орг. 14,3/0	
	продсилик. 16,1/0	
	спичсинд. 41,2/0	
	резинотрес. 33,5/0	
	по срочным ссудам 10/0.	

Следовательно, не малая часть кредитов, оказываемых государственным хозяйственным органам, фактически попала в руки частных лиц.

Произведенное РКИ обследование биржевых сделок выяснило, что частные лица больше получают наличными

за свои товары при продаже их государственным хозяйственным органам, чем последние при продаже частным лицам; и что, наоборот, при покупке у государственных органов частные лица больше получают в кредит, чем государственные органы при покупке у частных лиц.

К этим и всякого рода иным легальным сделкам присоединяется и прямой подкуп (взятки) служащих государственных хозяйственных органов, в результате которого последние, как показал ряд судебных процессов, несут миллионные убытки.

Иными словами, капитал пытается превратить (и частично превращает) государственные хозяйственные органы в (нелегальное) орудие капиталистической эксплуатации.

Результатом сотрудничества с торговым капиталом был одновременно рост сил и пролетарского государственного хозяйства и торгового капитала. Новая экономическая политика была не только, как ее часто односторонне характеризовали, *периодом первоначального социалистического накопления*, но и *периодом первоначального капиталистического накопления*, по своему хищничеству не уступавшего другим эпохам того же рода. В одном 1922-3 г. торговый капитал прикарманил многие *сотни* миллионов рублей золотом из скудного производства обнищавшей страны рабочих и крестьян.

В результате, в 1923 г. торговый капитал держал в своих руках половину всей оптово-розничной торговли и почти всю розничную, т. е. расположился *на стыке* города и деревни и получил возможность спекулятивного использования описанных выше колебаний рыночной конъюнктуры, увеличивая их размах.

Осенний кризис 1923 г. явился не только переломом от отступления перед стихией рынка к попыткам его регулирования, но и от сотрудничества с торговым капиталом к борьбе с ним.

Первым последствием кризиса было то, что он *столкнул друг с другом* промышленность и торговлю.

Если до того (в период повышения цен продуктов промышленности) торговля учитывала преимущественно в

свою пользу выгоды повышения цен, то и промышленность беспрепятственно сбывала свои товары по ценам повышенным, хотя и не в такой мере, как цены торговцев. Но с наступлением кризиса сбыт мог быть осуществлен лишь при условии понижения цен, а безубыточный для промышленности сбыт лишь при условии *сокращения* накладных расходов и прибылей торговли, являвшихся самым накладным из накладных расходов торговли.

Другим последствием кризиса было то, что прежний простор, позволявший одновременно развиваться *всем* видам торговли, как государственной (и кооперативной), так и капиталистической—исчез.

В жестких рамках сбыта, созданных кризисом, государственная (и кооперативная) торговля неизбежно должна была резко столкнуться с торговым капиталом.

Сотрудничество с торговым капиталом сменилось борьбой с ним. Торговый капитал стал врагом, его вытеснение—основной и боевой задачей.

Осенний кризис 1923 г. открыл, таким образом, *второй* период новой экономической политики, переход *от отступления к осторожному методическому наступлению*, к ограничению рыночной стихии и к борьбе с поднятым на ее гребне торговым капиталом.

Переход к наступлению на торговый капитал поставил во весь рост вопрос о кооперации. Борьба с капиталом является повсюду задачей кооперации. Но в капиталистическом обществе эта борьба не затрагивает *основ* капитализма—крупной промышленности и кредита—и потому является *борьбой в пределах* капиталистического строя, а кооперативная идеология—мещанской утопией о незаметном преодолении капитализма без нарушающей мещанский уют революции. В советской России при уже *совершенной* экспроприации крупного промышленного и банковского капитала, борьба кооперации с капиталом, выкорчевывая его остатки (торговый капитал), становится действительной борьбой на уничтожение, приобретает революционный характер. Под влиянием кризиса советская кооперация начала

перестраиваться, превращаясь из одной из торговых организаций в организацию борьбы с торговым капиталом.

Переход от сотрудничества с торговым капиталом к борьбе с ним не может не ослабить советского патриотизма торгового капитала, которому приходится не только примириться с тем, что золотые времена хищнического первоначального накопления прошли, но и защищать самую возможность дальнейшего своего развития.

Изменение экономических отношений неизбежно толкает к изменению и в сфере политических отношений. Однако, внутренний (туземный) капитал (пока преимущественно торговый и при том больше всего в розничной торговле) сам по себе может стать опасным еще не так скоро. Основная внутренняя опасность состоит в наличии громадных масс обедневшего (вследствие войны империалистской, а затем гражданской) крестьянства ¹⁾, ряды которого пополнились получившими землю сельско-хозяйственными рабочими (батраками) и городскими рабочими, бежавшими в годы гражданской войны из голодавших городов в деревню. У всей этой массы есть земля, но нечем ее обрабатывать. Вследствие этого при росте числа занятых в промышленности рабочих растет одновременно и число безработных из-за прилива из деревни, вызываемого подъемом жизненного уровня промышленного пролетариата. Общее число безработных на 1 декабря 1922 г. составило по данным ВЦСПС 540 тыс. чел. В настоящее время (начало 1924 г.) их число перевалило за миллион.

Данные по 78 губернским городам показывают, что число безработных увеличилось за год с небольшим (с 1 ноября 1922 г. по 1 декабря 1923 г.) с 319 тыс. до 767 тыс., т. е. более, чем вдвое. Число безработных чернорабочих с 61 тыс. до 195 тыс., т. е. более, чем втрое. Число безработных промышленных рабочих с 69 тыс. до 186 тыс., т. е. почти втрое, хотя число работающих промышленных рабочих за то же время также увеличилось больше, чем на

¹⁾ Одни освобождаемые от всякого налога бедняки составят к осени текущего года *четверть* всех дворов — на них в 1922—3 г. приходилось примерно одна седьмая земли и только одна пятнадцатая продукции сельского хозяйства (судя по продналогу).

10%, т. е. и число работающих и число безработных промышленных рабочих увеличилось каждое больше, чем на сто тысяч человек.

По мере роста промышленности и городов, отлива туда части обедневшего крестьянства и освобождения их плохо используемой земли, эта внутренняя опасность, которая может возникнуть к тому времени, когда окрепшая буржуазия могла бы попытаться использовать их недовольство, будет ослабевать. Но именно потому, что такая опасность существует, одна из важнейших задач партии—это работа среди обедневшего крестьянства и привлечение его на сторону пролетариата и к содействию быстрейшему восстановлению промышленности, от под'ема которой зависит и улучшение положения беднейшего крестьянства—возможность использования его рабочей силы в самой промышленности, в лесных и строительных работах.

Необходимой предпосылкой для разрешения этой задачи является освобождение крестьянской бедноты от влияния на нее торгового капитала и его агентов в деревне, кулаков, и недопущение последних в крестьянские организации (в частности, кооперативные организации), которые могут стать в руках торгового капитала орудием организации крестьянства вокруг капитала и под его командой. Средством такого сплочения всего крестьянства вокруг крестьянской буржуазии является лозунг смены тяги к земле тягой к рынку в качестве общекрестьянского лозунга. В действительности лозунг развития рыночных отношений крестьянской бедноте, которая заинтересована в рынке продуктов сельского хозяйства, не как продавец их, а как покупатель, как продавец же заинтересована в другом товаре—рабочей силе, ничего дать не может и по отношению к ней является лишь орудием ее одурачивания и ее мобилизации под командой крестьянской буржуазии.

Другая внутренняя опасность возникает вследствие того, что с под'емом страны растут и потребность в организаторской интеллигенции (в хозяйственных и политических органах советского государства) и уровень предъявляемых к ней требований. При низком культурном уровне и

сравнительной немногочисленности русского пролетариата грозит обнаружиться несоответствие между потребностью советского государства и общества в пролетарской—по своему классовому происхождению—интеллигенции и ее наличием и пополнением. Поскольку рабочий, занявший эти посты во время гражданской войны ¹⁾, был бы вытеснен буржуазным интеллигентом и поскольку в особенности воспроизводство (подготовка) интеллигенции оказалось в ее собственных руках, превращая (вернее, оставляя) знание ее привилегией, постольку буржуазия получила бы и необходимый ей офицерский корпус. Поэтому задача под'ема культурного уровня пролетариата и овладения аппаратом воспроизводства организаторской интеллигенции (школа) является также одной из важнейших задач партии.

Сломить *монополию знания* является такой же очередной и боевой задачей, как и задача сломить монополию в сфере обращения (торговли). А это значит—прежде всего завоевывать высшую школу.

Высшая школа при советской власти значительно расширилась. Общее число учащихся в них составляло в 1914 году (по 55 давшим сведения из общего числа 64 высших учебных заведений) свыше 65 тысяч. К 1921 г. (к началу новой экономической политики)—уже свыше 197 тыс. На 1 октября 1923 г. около 132 тыс., т. е. все же *вдвое* больше, чем в 1914 г.

Из этого последнего числа на рабочих и детей рабочих приходилось свыше 19 тыс. (т. е. одна седьмая) ²⁾. *Девятнадцать тысяч рабочих в высших учебных заведениях!* В последнем приеме осенью 1923 г. из числа принятых в высшие учебные заведения рабочих и детей рабочих уже четверть (25%), в столицах 30%. Помимо того, на рабочих

¹⁾ В настоящее время в партии имеется около ста тысяч рабочих не у станка, т. е. работающих не на фабриках и заводах, а в советских (хозяйственных, административных, военных и пр.), профессиональных и партийных органах. Эти сто тысяч бывших рабочих и составляют остов пролетарского государства.

²⁾ Крестьян и детей крестьян свыше 36 тыс. (ок. 28%), остальные, большей частью, советские служащие и их дети (ок. 32%). Членов партии и ком. союза молодежи свыше 14 тыс. (около 11%). Все данные относятся не к СССР, а только к РСФСР.

факультетах (подготавливающих в высшую школу) состояло около 36 тыс. чел., из них рабочих свыше 22 тыс. чел. ($62\frac{1}{2}\%$).

Итак, в общем около *сорока двух тысяч* рабочих¹⁾, получающих или готовящихся в ближайшем будущем получить высшее образование, больше половины числа всех учащихся высшей школы в 1914 г. Уже осенью будущего 1925 г. высшую школу окончат *три тысячи* пролетариев.

Третья внутренняя опасность стоит в прямой связи с еще несломленной монополией знания старой буржуазной интеллигенции и представителей бывших господствующих классов. Она состоит в отрыве государственного советского аппарата от массы рабочего класса и крестьянства, по мере того, как восстанавливаются нарушенные буйным вихрем революции связи между наполняющими государственный советский аппарат представителями буржуазной интеллигенции и прежде господствовавших классов.

Основная причина *советского бюрократизма* лежит в несоответствии между задачами (общественными функциями) нового государственного, в том числе и хозяйственного аппарата и его личным составом,—в вытекающем отсюда несоответствии между силами пока еще количественно и качественно слабой работающей в нем новой пролетарской интеллигенции и стоящими перед ней задачами и в недостатке связи между ней (а значит и государственным аппаратом) и массами рабочего класса и крестьянства.

Возможность действительного освежения в ближайшем будущем советского государственного аппарата создает массовая подготовка новой пролетарской (и крестьянской) интеллигенции. А необходимую смычку между этой новой интеллигенцией (а значит и государственным аппаратом) и массой рабочего класса подготавливает происходящее сейчас орабочение нашей партии—включение в партию в дополнение к 50 тыс. занятых в производстве и 100 тыс. работающих в государственных, профессиональных и партийных органах рабочих—новых 150 тыс. рабочих, занятых в производстве, при одновременном сокращении 200 тысячной непролетарской крестьянской и интеллигентской части пар-

¹⁾ Крестьян около 45 тыс.

тии: благодаря этому наша партия включит в свои ряды до одной *восьмой* наличного числа промышленных рабочих.

Рядом с этой задачей борьбы с бюрократизмом стоит и тесно с нею переплетается и старая задача—*продолжение хозяйственного строительства*, в котором подготовка и подбор подходящих людей на соответствующие места является одним из существеннейших (и требующих для своего завершения ряда лет) моментов наряду с кропотливой работой организационной перестройки и приспособления различных государственных органов друг к другу и к рынку, т. е. к массе частных хозяйств.

Новая экономическая политика пролетариата началась, как политика *отступления*, но не отступления—бегства, а отступления—*накопления сил* (и, что неизбежно связано с отступлением, предоставления и противнику возможности накапливать силы).

Это накопление сил позволило осенью прошлого 1923 года приостановить дальнейшее отступление и начать переход к осторожному методическому наступлению на стихию рынка и на торговый капитал.

Причина этой осторожности лежит в том, что основные задачи революции в России разрешены, что классово-революционные задачи стоят теперь перед российским пролетариатом не внутри России, а вне ее—на мировой арене.

Внутри же задачи состоят в *использовании тех условий для строительства социализма, которые революцией созданы*. В овладении стихией рынка, в борьбе с остатками капитализма, в подготовке и смене личного состава государственного (хозяйственного, военного, административного и пр.) аппарата, в улучшении работы этого аппарата и т. п.

Этим путем осуществляется как подготовка к предстоящим великим всемирно-историческим по своему значению боям между пролетариатом и капиталом, так и подготовка перехода к социалистическому хозяйству и великой технической революции.

Трехлетний опыт страны ста тридцати миллионов показал, что этот путь есть путь к окончательной победе пролетариата.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистич. Ун-та имени Я. М. Свердло

Правление и склад: Москва, Тверская, Дегтярный пер. 8.
Телеф. №№ 12-11 и 1-16-59.

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ:

- Струмилин С.** Емкость нашего рынка.
- Луначарский А. В.** В. И. Ленин.
- Пособие к занятиям по физике.** Составлено коллективом преподавателей У-та, *под ред. А. К. Тимирязева.*
- Методический сборник по курсу биологии,** составлен коллективом преподавателей Ун-та, *под редакцией Б. М. Завадовского.*
- Сборник по вопросам партпросвещения.**
- Кон А. Ф.** Программа по политэкономии.
- Лядов М. Н.** Доклад большевиков Амстердамскому конгрессу.
- Луначарский А. В.** История Западно-Европейской литературы в ее важнейших моментах. Часть I.
- Шурц Г.** История первобытной культуры. Вып. I и II
- Программа и устав Р. К. П. (б)** с резолюциями партсездов и конференций по организац. вопросу (Шестидесятая тысяча).
- Вегер В.** Право и государство переходного времени. 2-е издание. (Хрестоматия).